

MENSUEL

CAHIERS PERIODIQUES
(71e cahier Novembre 1957)

ВОЗРОЖДЕНИЕ

«LA RENAISSANCE»

Литературно-политическія
тетради

ТЕТРАДЬ СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ
Ноябрь 1957 года

Архистратиг Михаил поражает Антихриста
по иконѣ 15-го вѣка.

PARIS

73. av. des Champs-Élysées, (VIIIe)
Tél.: ELYsées 06-03

Русскій театр в Парижѣ

« Дядя Ваня »

Когда стало известно, что «сезон» русского театра в Парижѣ открывают чеховской пьесой «Дядя Ваня», пришлось выслушать не мало замѣчаній в таком родѣ: неужели Греч и Павлов не могли выбрать, что-либо другое?..

Но вот спектакль прошел. Прошел с исключительным успѣхом, с большим подъемом. Скептики, пожимавшіе плечами, — шумно аплодировали: восторжествовал Чехов и работа, и вдохновеніе артистов.

Наш эмигрантскій зритель едва ли отдает себѣ отчет в том — сколько энергіи, труда, изворотливости и изобрѣтательности нужно приложить, для того, чтобы «поднять» спектакль.

Начать с того, что вѣдь постоянной труппы в Парижѣ нѣтъ. Играют наши артисты в разных, но повторяющихся комбинаціях: сегодня я с тобой, завтра ты с ним, а потом он со мной и так далѣе... У них есть своеобразная іерархія, не всегда один согласится играть с другим, — есть какіе-то счеты. Это, вѣдь, особенные люди — «трудные», самолюбивые... А теперь, к тому же, ряды их рѣдѣют.

Нѣтъ и постоянного театра. С тѣх пор, как многострадальную «залу Іена» обратили в какое-то торговое предпріятіе — русскіе артисты остались, можно сказать, — без крова. Играть приходится в помѣщеніях для театральнх нужд — в переоборудованных, в каких-то караван сараях с ужасными стенами, без декораций и должнаго освѣщенія, со сквозняками и плохой акустикой, и без уборных для артистов.

А репетиціи? — Гдѣ репетировать послѣ долгаго дня работы, послѣ часа ѣзды в другой конец города, без ужина, чтобы потом так же торопиться на послѣднее метро? В маленькой комнаткѣ, в отелѣ или в студіи Музыкальнаго общества?

А костюмы? А декорации? Продажа билетов? Буфет?

Однако, всѣ эти препятствія будут в концѣ концов преодолены. Зала найдена, пьеса орпетирована, билеты продаются. Вот и день спектакля...

Дядя Ваня: «Пропала жизнь! Я талантлив, умен, смѣл... Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевскій»...

У нас принято до сих пор говорить о героях чеховских произведений, что они «нытики», скучные люди, что их «забавя среда». Но

развѣ каждый из нас, в какой-то момент своей жизни не повторит иногда тоже самое: "пропала жизнь! Если бы все начать сначала!"

И тут же слова Астрова: "Всѣ они наши добрые знакомые мелко мыслятъ, мелко чувствуют и не видят дальше своего носа — просто напросто глупы. А тѣ, которые поумнѣе и покрупнѣе, — истеричны, заѣдены анализом, рефлексом... Эти ноют, ненавистничают, болѣзненно клеветуют, подходят к человѣку боком, смотрят на него искоса и рѣшают: "о, это психопат!" или: "это фразер!"

Чехов написал "Дядю Ваню" в 1890 году (передѣлав комедию "Лѣшій"), т. е. почти 70 лѣтъ тому назад, а эти слова Астрова злободневны и вполне применимы к нашему теперешнему эмигрантскому обществу: никто вѣдь не будет отрицать, что "взаимное отталкиваніе" у нас сильнѣе нежели "взаимное притяженіе" и что наши соотечественники за рубежом охотнѣе ненавистничают и болѣзненно клеветуют, чѣм подходят к своему брату-эмигранту, слѣдуя заветам Христа — "возлюби ближняго своего"...

Мы смѣло можем сказать: нѣтъ, не устарѣлъ Чехов, а пьесы его прекрасны. И право, хорошо сдѣлали Греч и Павлов, поставив "Дядю Ваню".

Михаил Павлович Чехов, в своих воспоминаніях писал о передѣлкѣ Ан. Чеховым пьесы "Лѣшій": "...в пьесѣ было много промахов, так, что пришлось ее потом передѣлать и даже измѣнить в ней заглавіе. Но даже и в новой редакціи эта пьеса не возбуждала довѣрія в ся авторѣ. Он долго держал ее под спудом, а затѣм, когда выпустил ее в свѣтъ и сам удивился, что она пошла".

Успѣх "Дяди Вани" повидимому для А. П. Чехова был тогда неожиданным. Он писал брату Михаилу Павловичу (26 октября 1898 года): "Мой "Дядя Ваня" ходит по всей провинціи, и всюду успѣх. Вот не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. Совѣтъ я не рассчитывал на сію пьесу".

Но вот теперь, смотришь эту пьесу и опять удивляешься. — Как прекрасно она "сдѣлана", как тонко сложена, как изумительно очерчены ея дѣйствующія лица.

Нѣтъ слов, — во многом заслуга рискнувших поставить "Дядю Ваню" — В. Греч и П. Павлова. Еще теплится в их душах "Чеховскій огонек", зажженный Художественным Театром, еще звучит этот голос "школы Станисловскаго".

В. Греч в роли старенькой няни Маринны была именно той самой няней, которую, вѣроятно, задумал Чехов, — мудрой, всепрощающей, терпѣливой и любящей людей. П. Павлов играл Вафана, обидѣннаго помѣщика, приживальщика, — роль комическую, но, как всегда прекрасно.

Очень хорош был и А. Вырубовъ в роли доктора Астрова, роли трудной и сложной уѣзднаго идеалиста, не только мечтающаго о счастьи челоѣчества через тысячу лѣтъ, но и реально работающаго,

лѣчащаго крестьян и насаждающаго лѣса. То же можно сказать и о самом дядѣ Ванѣ, — С. Гурейкинѣ, давшемъ образъ человека затаянутаго жизнью и вецытающагося больше вырваться изъ вѣчныхъ сѣрыхъ будней. Мѣстами С. Гурейкинъ, сдѣлавшій большіе успѣхи, достигалъ подлинныхъ драматическихъ высотъ.

Б. Кузнецовъ, артистъ опытный и умный отлично изобразилъ эгоиста и сухаря проф. Серебрякова, занятаго исключительно самимъ собой. Его молодая жена, Елена Андреевна, в исполненіи Г. Евреиновой немного суховата, слишкомъ сдержана, — впрочемъ, вѣроятно, та-кой ее и задумалъ авторъ. Г. Евреинова была очень эффектна, умѣло до конца проведя трудную роль, — “русалки”.

В заключеніе слѣдуетъ отмѣтить Соню, — Н. Каширину, — молодую артистку, пусть еще недостаточно опытную, но съ большимъ чувствомъ, съ душевнымъ трепетомъ, исполнившую роль молодой дѣвушки живущей в глухой провинціи и влюбленной в доктора-чудака.

Правда, — прекрасный спектакль.

Иг. Эм.